

Русфонд и «Восточно-Сибирская правда» продолжают совместный благотворительный проект, цель которого – помочь тяжелобольным детям из Иркутской области. На наших страницах будут публиковаться истории детей, которым нужна конкретная помощь. Мы заранее признательны всем, кто откликнется и решит помочь. Любая ваша помощь будет принята с величайшей благодарностью!

Фабрика добра

Президент Русфонда Лев Амбиндер об отношениях НКО и государства, эффективном планировании и доброте

Президент Русфонда Лев Амбиндер получил Государственную премию из рук президента России Владимира Путина. А накануне похода в Кремль он рассказал главному редактору Русфонда Валерию Панюшкину, что чувствует в связи с присуждением ему государственной награды.

Тимур и его команда

– Государственная премия означает, что государство высоко оценило твою работу. Но ты неоднократно говорил, что государство относится к НКО, включая Русфонд, несерьёзно – как к детям...

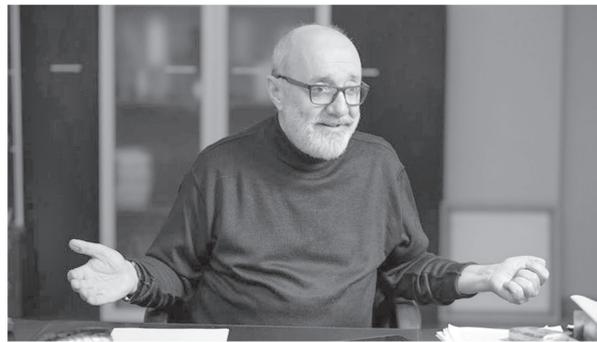
– Да, как к Тимуру и его команде. Штаб на чердаке, сигнализация на верёвочках, старушку через дорогу перевести – молодцы, детишки, хорошее дело делаете. Это очень заметно по регистру доноров костного мозга, который мы строим. Государство готово делать партнёрские проекты с частными коммерческими компаниями, но не готово воспринимать НКО как равноправных партнёров.

– Давай поменяем. Какую роль НКО будут играть через десять лет?

– Я, конечно, не знаю, как пойдёт. Но я убеждён, что будущее у России европейское, и, следовательно, с поправкой на русский акцент мы будем делать ровно то же самое, что делают в Европе. Возможно, уйдёт адресный фандрайзинг. Сегодня это всё ещё самый эффективный способ сбора денег, но будет ли он в будущем? Возможно, будет то, о чём мечтают многие: помощь напрямую на программы, на проекты, а не на конкретного человека. На самом деле мы, Русфонд, и сейчас это делаем. Когда мы публикуем призыв помочь конкретному ребёнку, в действительности мы помогаем клинике-партнёру работать бесперебойно и закрываем целое медицинское направление по программе, которую утвердили в начале года.

– Ты упаковываешь системную помощь в адресную?

– Это правда. Смотри: есть клиника, у неё есть мощности – количество коек, количество операций, которые она мо-

жет сделать. И есть государственное финансирование. Как правило, его не хватает. Приходим мы – и не подменяем госбюджет, а дополняем его, чтобы клиника работала на полную мощность. Это всем выгодно. Дело в том, что клиника заранее знает, сколько в течение года у них будет незадействованных мощностей, сколько это в деньгах, сколько примерно операций в год они не смогут сделать из-за нехватки финансирования, сколько детей они должны подготовить сверх госплана. А мы со своей стороны знаем, сколько писем о помощи мы можем опубликовать. И мы согласовываем с клиникой программу, которая точно будет выполнена.

Сменить уклад

– Ты рассказываешь про взаимоотношения Русфонда с обществом. Да, ты обществу нужен и находишь у общества понимание. Но всякий раз, когда ты начинаешь новый проект, всякий раз, когда внедряешь новую технологию или методику (что «Понсети при косолапости», что раздвижные металлоконструкции VEPTR при сколиозе, что вот сейчас регистр доноров костного мозга), у государства ты не находишь понимания не сколько лет.

– Не у государства как такового, а у его части – Минздрава. Может быть, и не найду. Мы рассказываем только про те проекты, которые удались. А есть и неудавшиеся проекты. Ты прав. Но мы же с тобой знакомы с Жузепом Мари-ей Рамиресом – у него крупнейший реабилитационный центр в Барселоне, и

ли во главе НКО «Национальный регистр имени Васи Перевощикова» с объединённой базой фенотипов встанет врач из государственной клиники, мы даже зарплату ему платить будем. Уже сегодня наш Национальный регистр обладает информационной системой, которой нет у государственной базы фенотипов. Это европейский сервис – и мы уже внедрили его, а государство ещё даже и не задумалось о нём.

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

Если государство не поймёт, что НКО с подобными задачами социальной сферы справляется эффективнее, то Россия сама на себя наложит санкции. Я знаю, почему у меня должно быть качественнее и дешевле с государством – вместе, потому что иначе не получится, вот это и будет означать смену устоев. Да, против нас бюрократы, которые исповедуют советские устои, когда никаких НКО не было. Но мы должны понимать, что завтра других бюрократов не будет. Мы должны с этими бюрократами работать – и поменять устои. Мы будем рады, ес-

ли во главе НКО «Национальный регистр имени Васи Перевощикова» с объединённой базой фенотипов встанет врач из государственной клиники, мы даже зарплату ему платить будем. Уже сегодня наш Национальный регистр обладает информационной системой, которой нет у государственной базы фенотипов. Это европейский сервис – и мы уже внедрили его, а государство ещё даже и не задумалось о нём.

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

Если государство не поймёт, что НКО с подобными задачами социальной сферы справляется эффективнее, то Россия сама на себя наложит санкции. Я знаю, почему у меня должно быть качественнее и дешевле с государством – вместе, потому что иначе не получится, вот это и будет означать смену устоев. Да, против нас бюрократы, которые исповедуют советские устои, когда никаких НКО не было. Но мы должны понимать, что завтра других бюрократов не будет. Мы должны с этими бюрократами работать – и поменять устои. Мы будем рады, ес-

ли во главе НКО «Национальный регистр имени Васи Перевощикова» с объединённой базой фенотипов встанет врач из государственной клиники, мы даже зарплату ему платить будем. Уже сегодня наш Национальный регистр обладает информационной системой, которой нет у государственной базы фенотипов. Это европейский сервис – и мы уже внедрили его, а государство ещё даже и не задумалось о нём.

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

Если государство не поймёт, что НКО с подобными задачами социальной сферы справляется эффективнее, то Россия сама на себя наложит санкции. Я знаю, почему у меня должно быть качественнее и дешевле с государством – вместе, потому что иначе не получится, вот это и будет означать смену устоев. Да, против нас бюрократы, которые исповедуют советские устои, когда никаких НКО не было. Но мы должны понимать, что завтра других бюрократов не будет. Мы должны с этими бюрократами работать – и поменять устои. Мы будем рады, ес-

ВАШ РУСФОНД

СДЕЛАНО

Насте Катаржновой оплачена спираль для операции на сердце

7 ноября на сайте Русфонда, на сайтах irk.ru и 38shalunov.ru мы рассказали историю трёхлетней Насте Катаржновой из Иркутска. У девочки врождённый порок сердца – открытый артериальный проток. Не допустить развития тяжёлых осложнений поможет эндоваскулярная операция, провести которую готовы по госконтракту в Иркутской областной клинической больнице. Но надо оплатить специальную спираль, с помощью которой врач закроет дефект. А у Настинных родителей такой возможности нет. Рады сообщить: вся необходимая сумма (95 074 руб.) собрана. Мария, мама Насте, благодарит всех за помощь. Принимите и нашу признательность, дорогие друзья.

Всего с 1 ноября 2630 читателей rusfond.ru, irk.ru, 38shalunov.ru, телезрителей ГТРК «Иркутск» исчерпывающе помогли трём тяжелобольным детям – очередникам бюро Русфонда в Иркутской области, собрав 427 949 руб.

Оплачены: спираль для операции по поводу врождённого порока сердца Насте Катаржновой (3 года, 95 074 руб., Иркутск, Иркутская

обл.), лечение поражения центральной нервной системы Коле Сапожникову (6 лет, 199 200 руб., Иркутск, Иркутская обл.), расходные материалы и инсулиновый помп на год Полине Телятниковой (13 лет, 133 675 руб., Иркутск, Иркутская обл.).

Помогли: Igor (Новая Зеландия), Алексей (Республика Крым), Алексеева, Василий, Иркутск, София, Юлия (все – Новосибирская обл.), Андрей А. (Омская обл.), Елена, Пес, Lidya (все – Приморский край), А. Раевская (Санкт-Петербург), Ася, Александр, Андрей Воронин, Б. Марина, Святослав, Серафим Бьрицкий, Сергей, Р. (все – Москва), Александр, три Алексея, Алексей Коржанин, Елена, Анастасья, Антон, Вароша, Виктория, Владимирова, Пульчара, Дарья, Денис, Екатерина, Екатерина Барановская, две Елены, Иван, Иван К., Иванчик, Ирина Пустозерова, Константин, Людмила Фоминична, Надежда, Наталья, ОВ, Олегovich, Ольга, Саша, Светлана Колчанова, две Татьяны, Сергей, Эдуард С., Egor, Skam_R, 111 (все – Иркутская обл.). Спасибо!

Технологический прорыв – это обязательное преодоление, преодоление советского уклада, когда «я начальник – ты дурак».

– Думаешь, тебе удастся преодолеть советский уклад?

– Не знаю. Мне кажется, Татьяна Голкова (председатель Совета при правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере. – Русфонд) на нашей стороне. Она человек государственный, а не ведомственный. Ей надо искать деньги в условиях кризиса, когда ресурсов не хватает. Мне очень хочется верить в её поддержку, потому что мы постоянно в поиске инноваций, мы знаем, как внедрять инновации и как удешевить производство. Потому что мы эффективнее госучреждений, а лишние ресурсы не бьются. И если возвращаться к моему первому вопросу, то да, я верю, что рано или поздно НКО станут равноправными партнёрами государства и не будут «подручными партией», как когда-то сказал Никита Сергеевич Хрущев про журналистов.

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

Если государство не поймёт, что НКО с подобными задачами социальной сферы справляется эффективнее, то Россия сама на себя наложит санкции. Я знаю, почему у меня должно быть качественнее и дешевле с государством – вместе, потому что иначе не получится, вот это и будет означать смену устоев. Да, против нас бюрократы, которые исповедуют советские устои, когда никаких НКО не было. Но мы должны понимать, что завтра других бюрократов не будет. Мы должны с этими бюрократами работать – и поменять устои. Мы будем рады, ес-

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

Если государство не поймёт, что НКО с подобными задачами социальной сферы справляется эффективнее, то Россия сама на себя наложит санкции. Я знаю, почему у меня должно быть качественнее и дешевле с государством – вместе, потому что иначе не получится, вот это и будет означать смену устоев. Да, против нас бюрократы, которые исповедуют советские устои, когда никаких НКО не было. Но мы должны понимать, что завтра других бюрократов не будет. Мы должны с этими бюрократами работать – и поменять устои. Мы будем рады, ес-

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

Если государство не поймёт, что НКО с подобными задачами социальной сферы справляется эффективнее, то Россия сама на себя наложит санкции. Я знаю, почему у меня должно быть качественнее и дешевле с государством – вместе, потому что иначе не получится, вот это и будет означать смену устоев. Да, против нас бюрократы, которые исповедуют советские устои, когда никаких НКО не было. Но мы должны понимать, что завтра других бюрократов не будет. Мы должны с этими бюрократами работать – и поменять устои. Мы будем рады, ес-

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

Если государство не поймёт, что НКО с подобными задачами социальной сферы справляется эффективнее, то Россия сама на себя наложит санкции. Я знаю, почему у меня должно быть качественнее и дешевле с государством – вместе, потому что иначе не получится, вот это и будет означать смену устоев. Да, против нас бюрократы, которые исповедуют советские устои, когда никаких НКО не было. Но мы должны понимать, что завтра других бюрократов не будет. Мы должны с этими бюрократами работать – и поменять устои. Мы будем рады, ес-

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

Если государство не поймёт, что НКО с подобными задачами социальной сферы справляется эффективнее, то Россия сама на себя наложит санкции. Я знаю, почему у меня должно быть качественнее и дешевле с государством – вместе, потому что иначе не получится, вот это и будет означать смену устоев. Да, против нас бюрократы, которые исповедуют советские устои, когда никаких НКО не было. Но мы должны понимать, что завтра других бюрократов не будет. Мы должны с этими бюрократами работать – и поменять устои. Мы будем рады, ес-

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

Если государство не поймёт, что НКО с подобными задачами социальной сферы справляется эффективнее, то Россия сама на себя наложит санкции. Я знаю, почему у меня должно быть качественнее и дешевле с государством – вместе, потому что иначе не получится, вот это и будет означать смену устоев. Да, против нас бюрократы, которые исповедуют советские устои, когда никаких НКО не было. Но мы должны понимать, что завтра других бюрократов не будет. Мы должны с этими бюрократами работать – и поменять устои. Мы будем рады, ес-

– Почему тогда система сопротивляется?

– Потому что Советский Союз. Уклад! У меня 52 года журналистского стажа, я 25 лет работал в советских газетах. Уклад – это самое страшное. Алексей Гастев – инженер, который принёс в Россию научную организацию труда по Тейлору и создал ЦИТ (Центральный институт труда), в полном составе расстрелянный в тридцатых годах, в своей книжке писал: «Если мы возьмём немецкого рабочего и русского рабочего, то какой рабочий за восемь часов выдаст больше качественной продукции? Немец, конечно, потому что он умеет работать системно. А если случится катастрофа, авария, то какой рабочий быстрее устранит её? Разумеется, русский!». Мы умеем аврально – и мы должны научиться работать системно, писал Гастев ещё в 1920-х годы. Это трудно переменить. Когда чиновник из Минздрава говорит мне, что Русфонд не может строить регистр, потому что нет закона о регистре, я спрашиваю: «А почему у вас закона нет?». 40 лет назад постановлением правительства РСФСР решено было строить регистр. Одновременно с американцами. За 40 лет американцы построили регистр в 9 миллионов доноров, а у нас в регистре потенциальных доноров всего 90 тысяч – и то треть обследована за счёт Русфонда.

– Лучшее всех сказал Дмитрий Борисович Зимин. Когда он создавал «Билд», он был уже большим учёным и большим производственником. Так вот, он сказал: «Это ни с чем не сравнимое чувство, когда ты хозяин». Ничто не может заставить человека работать столько, сколько работает хозяин. Это такая сладкая мука, когда ты придумал – и тебя никто не может остановить.

– Когда с тобой разговариваешь про благотворительность, ты всё время приводишь примеры из промышленного производства.

– Да, я вырос на этом. Мой отец был начальником литейного цеха. Мне было пять лет, когда мы из барака переехали в квартиру, и я стал слушать разговоры взрослых. К отцу приходили сослуживцы, я только и слышал от них: себестоимость, расценки, нормы выработки... Мне ужасно нравились промышленность и строительство, когда люди из ничего делают что-то. Моей первой любимой книжкой был «Таинственный остров» Жюль Верна. А в последние годы я перечитываю Питера Друкера и книжки нобелевских лауреатов по экономике. Очень интересно! Друкер, например, утверждал: хоть в литейном производстве, хоть на стройке, хоть в благотворительности – менеджмент один и тот же. Я всю жизнь писал про стройки и заводы, 22 года занимаюсь организацией благотворительности – и правда, одно и то же!

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

– это производство, то производство чего?

– Михаил Кожухов в 1990-х годах на «ТВ-6» представил меня словами: «А это Лев Амбиндер, который создал фабрику добра». Сначала покорило, а потом я подумал: да, фабрика, да, добра. Человек – любой! – хочет чувствовать себя добрым. Главный продукт, который мы создаём, – это письмо о помощи, верифицированное экспертами и журналистами. С отбора писем в печать и начинается наша индустрия. Надо это письмо опубликовать так, чтобы собрать на него деньги. Давным-давно, ещё в 1996 году, я придумал классификатор. Я отобрал письма гарантированного интереса читателя, которые хоть вверх ногами опубликуй, деньги всё равно соберутся. Тут дело в соотношении темы и цены вопроса. А есть темы зоны риска, когда просто в ответ на письмо читатели не помогут, но, если заметку напишет Панюшкин, тогда помогут. И есть темы абсолютно безнадежные, на которые никто никогда не даст ни копейки. Значит, надо на других темах собрать излишки, чтобы помочь тем, кому не помогает никто. И надо понимать ещё, что читатель развивается – и ты помогаешь ему в этом! – и он начинает жертвовать на то, на что пять лет назад не дал бы ни рубля, – на ДПП, например, или на паллиативную помощь. Надо понимать, что и зачем ты публикуешь, потому что газета – это же производство. Как и благотворительный фонд.

– Когда с тобой разговариваешь про благотворительность, ты всё время приводишь примеры из промышленного производства.

– Да, я вырос на этом. Мой отец был начальником литейного цеха. Мне было пять лет, когда мы из барака переехали в квартиру, и я стал слушать разговоры взрослых. К отцу приходили сослуживцы, я только и слышал от них: себестоимость, расценки, нормы выработки... Мне ужасно нравились промышленность и строительство, когда люди из ничего делают что-то. Моей первой любимой книжкой был «Таинственный остров» Жюль Верна. А в последние годы я перечитываю Питера Друкера и книжки нобелевских лауреатов по экономике. Очень интересно! Друкер, например, утверждал: хоть в литейном производстве, хоть на стройке, хоть в благотворительности – менеджмент один и тот же. Я всю жизнь писал про стройки и заводы, 22 года занимаюсь организацией благотворительности – и правда, одно и то же!

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

– Если благотворительный фонд

– Сколько тебе лет?

– Семьдесят четыре.

– Послушай, почему ты всё время придумываешь что-то новое? Почему ты не консерватор и не склонен почитать на лаврах, раз уж ты создал крупнейший в России благотворительный фонд?

О Русфонде

Русфонд (Российский фонд помощи) – один из крупнейших благотворительных фондов современной России, создан в 1996 году как благотворительный журналистский проект. В настоящее время действуют 17 региональных представительств фонда в России. Миссия фонда – помочь в лечении тяжелобольных детей и инвалидов, содействовать развитию гражданского общества и внедрению высоких медицинских технологий.

За минувшие годы Русфонд создал уникальную модель адресного журналистского фандрайзинга. В настоящее время фонд системно публикует просьбы о помощи на страницах газеты «Коммерсант» и на